

*Карло, Оскару и Андрею.
Семи мудрецам.
Тем, кто каждый день изобретает школу «Холден».
Этот урок — для вас.*

А. Имя пользователя
Пароль

Б. Play 1978 **Нулевой позвонок**

1981–1998 *От Commodor-64 до Google*
Классическая эпоха

Комментарии к Классической эпохе

1. Закат посредничества
2. Дематериализация
3. Добавленное человечество
4. Иномир
5. Бродим по Паутине
6. Машины
7. Движение

Mapra Mundi 1

1999–2007 От Napster к айфону
Колонизация

Комментарии к эпохе колонизации

1. The Game. Игра
2. Поверхностность
3. Первая война сопротивления
4. Пост-опыт
5. Растерянность
6. Homeland
7. Пост-опыт о себе

The Game. Игра

Матра Мунди 2

- 2008–2016 От *App* до *AlphaGo*
The Game. Игра
Комментарий к эпохе Игры
1. Массовый индивидуализм
 2. Новая элита
 3. Эпизодические набеги
в политику
 4. Заново открываем «всё»
 5. Вторая война сопротивления
- Матра Мунди 3**

В. Карты Семь тематических маршрутов

Г. Следующий уровень

1. Блуждающие звезды
То, что остается от истины
2. Другие иномиры
То, что остается от искусства
3. Contemporary Humanities
То, что остается сделать

► **Имя пользователя**
Пароль

Play

Карты

Следующий уровень



Имя пользователя

Лет десять тому назад я написал книгу под названием «Варвары». В те времена многие из обычных, нормальных людей и почти все люди образованные оказывались лицом к лицу с тревожной тенденцией, смириться с которой не могли: самые возвышенные, прекрасные, полные смысла действия, за века доведенные человечеством до совершенства, на глазах теряют все, что было в них ценного, ускользают, становясь небрежными и упрощенными. Шла ли речь о еде, учебе, развлечениях, путешествиях или сексе, все равно: люди, казалось, разучились делать все это красиво, с должным вниманием и разумной заботой, так, как делали их отцы. Можно было бы сказать, что нынче все делается наспех, кое-как, поверхностно.

В особое замешательство люди впадали, ежедневно наблюдая за поколением детей: те, похоже, пали жертвой необъяснимого генетического сбоя, из-за которого вид, вместо того чтобы совершенствоваться, со всей очевидностью обращается вспять, подвергаясь таинственной инволюции. Неспособные сконцентрироваться, хватаящиеся безо всякого толку то за одно, то за другое дело, намертво прилипшие к какому-нибудь компьютеру, они блуждали по миру, скользя по поверхности вещей, не ставя перед собой какой-либо определенной цели, разве что свести к минимуму вероятность стра-

дания. В этом их невнятном странствии по миру виделось предвестие некоего кризиса, верилось, будто вот-вот неизбежно наступит культурный апокалипсис.

То были раздражающие времена. Все силы интеллигенции в тот момент были брошены на то, чтобы подробно, по пунктам, выявлять упадок того или иного явления и обличать виновных. Не жалея времени, люди вставали на защиту всего, что разваливалось на глазах. Здравомыслящие граждане на полном серьезе ставили подписи в защиту старых молочных лавок или сослагательного наклонения. Каждый гордился собой всякий раз, когда удавалось защитить что-то, не позволить вихрю времени унести это прочь. Большинство считало, что имеет законное право снять с себя заботы о будущем: срочно требовалось спасти прошлое.

Должен добавить, что какое-то обрывочное объяснение этому оползанию цивилизации вроде бы даже и было: дело, конечно, не вполне ясное, но, очевидно, тут замешаны цифровые технологии (все эти компьютеры) и глобализация (все эти торгоши). Под крылом этих двух неодолимых сил вызревал человеческий тип, целей которого не различали, языка не понимали, вкусов не разделяли, а манеры осуждали: варвары, если использовать термин, который и раньше, в другие эпохи нашей истории, истории покорителей планеты, служил для того, чтобы обозначить, насколько раздражающе другими, отличными от нас, являются люди, которых мы не в силах ни понять, ни обуздать.

Инстинкт велел остановить их. Самый распространенный предрассудок — считать их разрушителями, и точка.

Вряд ли, думал я.

И в самом деле, потом я написал книгу, и сделал это, чтобы прояснить, себе самому и другим, что, по всей вероятности, мы переживаем сейчас не вторжение варваров, сметающих с лица земли нашу утонченную культуру, но мутацию, которая касается всех и вскоре произведет на свет новую цивилизацию, в какой-то мере превосходящую ту, что взрастила нас. Я был убежден: тут не разрушительное вторжение, но хитрая мутация. Всеобщий поворот к новым техникам выживания. Гениальный стратегический ход. Я размышлял о поразительных переворотах, которым мы присвоили звучные имена: Гуманизм, Просвещение, Романтизм, и все больше убеждался, что мы переживаем аналогичную всесокрушающую смену парадигмы. Мы разворачивали все наши принципы на сто восемьдесят градусов, как то делалось в других достопамятных исторических обстоятельствах. Не надо бояться, все будет хорошо. Сколь бы это ни казалось сокрушительным, но очень скоро мы найдем веские причины, чтобы спокойно отказаться от старых молочных лавок и даже, по крайности, от сослагательного наклонения.

То был не оптимизм дурачка, как я многократно пытался объяснить: для меня то был простой, самый что ни на есть реалистический взгляд на вещи. Когда люди усматривают оскудение культуры в шестнадцатилетнем юнце, который не использует сослагательного наклонения, не замечая притом, что парнишка посмотрел в тридцать раз больше фильмов, чем его отец в том же возрасте, это не я бездумный оптимист, а они невнимательны. Когда интеллигенция своим радаром обнаруживает непроходимую глупость книги, занявшей верхнюю строчку в списке читательских предпочтений, и возводит это в ранг культурной катастрофы, я стараюсь придерживаться фактов, а значит, в конце концов

напоминаю себе, что публика, поставившая книгу во главу списка, всего шестьдесят лет назад не только не покупала книг, но и *не умела читать*: так что налицо неоспоримый шаг вперед. При таком раскладе нелегко определить со всей ясностью, кто рассказывает сказки: я, с моим приземленным реализмом, или они, с их поэтической тягой к фантастике катастроф.

Пока мы тратили время на дискуссии, другие представители человечества, по большей части живущие в Калифорнии и принадлежащие к элите, довольно незаметной, очень прагматичной и обладающей деловым чутьем, изменяли мир и делали это **ТЕХНИЧЕСКИ**, не изъясняя свой замысел по преобразованию человечества, даже, может быть, не подозревая, как все это скажется на нашем разуме и наших чувствах. Относительно молочных лавок и сослагательного наклонения они вообще не высказывались, считая, что имеют законное право снять с себя заботы о защите прошлого. Надо было срочно изобретать будущее.

Мне случилось понять — позже, с необъяснимым запозданием, что парадигма упадка для многих представителей человеческого рода является весьма удобным сценарием, донельзя приемлемым игровым полем. Я не говорю о трагедиях или катастрофах — они, напротив, представляют собой излюбленную среду обитания некоего меньшинства, состоящего из людей, в высшей степени *smart*¹. Я говорю о чем-то более смягченном: хотя это и может пока-

¹ Энергичный, расторопный, сообразительный (англ.). Также существует технология SMART: Specific, Measurable, Achievable, Relevant, Time bound. Каждая буква аббревиатуры SMART означает критерий эффективности поставленных целей.

заться абсурдным, но мы в большинстве своем — такие животные, которые предпочитают откладывать яйца там, где можно рассчитывать на НЕКИЙ ЭЛЕГАНТНЫЙ, МЕДЛЕННЫЙ УПАДОК. Кроме того, было подмечено, что наклонная плоскость умеренного бедствия вроде бы по-особому конгениальна самому распространенному среди интеллигенции типу: способному страдать, упорному в продвижении, одаренному скорее терпением, нежели фантазией; по сути, консервативному. Поскольку ему легче воспринимать мир, когда этот мир движется с умеренной скоростью, он тормозит движение; поскольку в общем и целом ему ближе игра в защите, он лучше проявляет себя в присутствии врага и в преддверии катастрофы; поскольку в общем и целом он не расположен к игре в нападении, то боится будущего.

Таким образом, человеческий род по возможности старается избегать слишком длительного пребывания в открытом поле изобретений, приводя свои племена, каждый раз, когда это может получиться, к партии, более соответствующей их способностям, то есть ставя их под защиту памяти. За оградой вещей, которые нужно спасти, мы отдыхаем, откладываем яйца и облегчаем себе бремя будущего, отодвигая насколько возможно очередной дефицит продовольствия, который выгонит нас из наших нор.

Так или иначе, я в конце концов решился написать ту книгу и в самом деле написал, публикуя кусками, в газете: способ, который мне казался изумительно варварским. Свой труд я хотел назвать «Мутация». Но главный редактор газеты — гений в своей сфере — долго вчитывался в заглавие и наконец изрек: «Нет. „Варвары“ гораздо лучше».

Я иногда бываю покладистым, так что и назвал ее — «Варвары».

Только добавил подзаголовок: «Очерк о мутации». И вперед.

Первым делом случилось нечто, застигнувшее меня врасплох: приходилось прилагать массу усилий, дабы убедить людей, что моя книга не направлена ПРОТИВ варваров. Люди так хотели внимать убедительным и блестящим речам о всеобщем обрушении, в котором виноваты ТЕ САМЫЕ, что, едва увидев заглавие, впадали в умонастроение, заставлявшее их в любом тексте вычитывать одни и те же мысли: все рухнет, а виноваты ТЕ САМЫЕ.

Честное слово.

Я мог сколько угодно твердить, что никаких варваров, как ясно изложено в книге, не существует, что это мы все меняемся, причем на глазах, — но они не уставали благодарить меня за то, что я обличил бесчинства, творимые ТЕМИ САМЫМИ. Наверное, следовало бы избрать другое заглавие, например, «Да здравствуют варвары!», но нельзя быть уверенным, что и это бы сработало. Если человек тихо-мирно откладывает яйца в норах, огражденных вещами, которые нужно спасти, под теплым одеялом радующего взор упадка, не так-то легко его оттуда выманить. Инерция коллективного мышления склонялась к приятно будоражащему предвестию грядущего апокалипсиса, призванного погубить прекрасную душу мира: направить такой ход мысли в обратную сторону было невероятно трудно, а порой невозможно.

С тех пор прошел добрый десяток лет, и теперь я могу повторить мысль, которая все это время меня утешала: образ коллективного мышления изменился,

племя вышло из нор, и лишь немногие сегодня объясняют происходящее сказочкой о каких-то варварах, которые сжигают наши твердыни, возбуждаемые кучкой жаждущих наживы торгашей. Сегодня большинство людей Запада принимает тот факт, что мы переживаем своего рода революцию — определенно технологическую, а может, и духовную, — призванную изменить все наши действия, возможно, также и приоритеты, а в конечном итоге само понимание того, что может считаться опытом. Возможно, они боятся последствий революции, возможно, не до конца понимают ее смысл, но мало кто сомневается в том, что эта революция необходима и необратима и что она была предпринята как попытка исправить ошибки, которые нам обошлись слишком дорого. И люди приняли ее как задачу, как вызов. Нередко встречается вера в то, что она поможет нам построить лучший мир. В укрытии, под зонтиком представлений об упадке, хоронятся еще многие, но, словно в гигантской клепсидре, проскальзывают один за другим через перемычку своих страхов и присоединяются к большинству, уже находящемуся по другую сторону времени.

Что же произошло, спросят иные, почему по прошествии столь немногих лет мы все-таки приняли революцию и сделали на нее ставку?

У меня нет четкого ответа на этот вопрос, зато есть краткий список того, чего двадцать лет назад не было, а теперь есть:

- ВИКИПЕДИЯ
- FACEBOOK
- SKYPE
- YOUTUBE
- SPOTIFY

- NETFLIX
- TWITTER
- YOUPORN
- AIRBNB
- АЙФОН
- INSTAGRAM
- UBER
- WHATSAPP
- TINDER
- TRIPADVISOR
- PINTEREST

Если вам больше нечем заняться, можете пометить крестиком то, чему вы ежедневно посвящаете значительную часть вашего времени.

Порядком набралось, а? Спрашивается, какого черта делали мы раньше, чем заполняли наши дни.

Складывали пазл — картинку Швейцарских Альп?

Этот список говорит о многих вещах, но одну из них хочется здесь подчеркнуть: за двадцать лет революция укрепилась, укоренилась в повседневном существовании — в простейших жестах, в обыденной жизни, в том, как мы управляемся с нашими желаниями и страхами. При таком уровне проникновения отрицать ее наличие могут только идиоты, но и представлять ее метаморфозой, навязанной свыше некими силами зла, начинает уже казаться несколько притянутым за уши. В действительности мы осознаем, что в самых элементарных действиях нашего обыденного бытия мы прибегаем к таким движениям, физическим и ментальным, какие двадцать лет назад не принимали в новых поколениях; смысла которых не понимали, про-

возглашая их симптомами деградации. Что все-таки произошло? Нас завоевали? Навязали чуждую нам модель бытия?

Положительный ответ был бы некорректен. Пусть кто-то это ПРЕДЛОЖИЛ, но мы день за днем принимаем предложенное, всем нашим присутствием в мире запечатлевая решительный поворот от прошлого, благодаря которому мы приобрели образ мыслей, двадцать лет назад показавшийся нам гротескным, уродливым, варварским, теперь же, по сути, именно он позволяет нам чувствовать себя непринужденными, живыми, даже *элегантными* в каждодневном ходе бытия. Впечатление, будто нас завоевали, рассеялось, ныне преобладает ощущение, будто нас перенесли за пределы познанного мира, и мы начинаем осваивать такие области в нашей собственной природе, каких никогда не касались, а частично даже и не вызывали к жизни. Идея ДОБАВЛЕННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА начинает прокладывать себе дорогу, и мысль о том, что можно к нему приобщиться, оказалась достаточно привлекательной, чтобы пересилить изначальный страх того, что нас туда затащат силой. Так мы в конечном итоге поддались мутации, существование которой некогда в открытую отрицали; направили наш ум на то, чтобы использовать ее, вместо того чтобы бойкотировать. Замечу, что это нас заставило считать закрытие старых молочных лавок не чем иным, как неизбежным побочным ущербом. За очень короткое время у нас появились магазинчики, являющиеся *цитатами старых молочных лавок*: таков наш способ расставаться с прошлым, присваивая его, вводя в обмен веществ.

Скажите еще, что мы не гениальны.

Стало быть, мы сожгли свои корабли и исправили ошибки. Теперь мы знаем, что переживаем революцию, и готовы поверить, что она явилась плодом коллективного творчества — даже скорее коллективного СТРЕМЛЕНИЯ К ВОЗДАЯНИЮ, — а не приключившаяся неожиданно-негаданно дегенерация системы или дьявольский план какого-нибудь гения зла. Мы проживаем будущее, которое вырвали у прошлого, которое нам причитается и которое мы отчаянно хотели. Этот новый мир — наш, и эта революция — тоже.

Хорошо.

Теперь следует сосредоточиться на проблеме куда менее занимательной: ЭТОТ МИР МЫ НЕ В СОСТОЯНИИ ОБЪЯСНИТЬ, И МЫ НЕ ЗНАЕМ В ТОЧНОСТИ НИ ИСТОКОВ, НИ ЦЕЛЕЙ ЭТОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Боже правый, может, кто-то и имеет свои соображения по данному поводу. Но в целом мы очень немного знаем о мутации, которой подвергаемся ныне. Наши жесты уже изменились и продолжают меняться с обескураживающей скоростью, но мысли, похоже, отстают, будучи не в силах поименовать то, что мы каждую секунду творим. Пространство и время уже не те, что прежде; то же происходит и с мыслительными категориями, какие мы долго именовали прошлым, душой, индивидуумом, свободой. *Всё и ничто* обрели значение, которое всего пять лет назад нам бы показалось неточным, а то, что мы веками называли произведениями искусства, утратило свой статус. Мы в точности знаем, что придется ориентироваться по картам, которые еще не вычерчены, и что грядущую идею красоты мы пока не в силах предвидеть, и мы называем истинной сплетение фигур, которые в прошлом отринули бы, сочтя ложными. Мы говорим себе, что все происходящее определенно имеет истоки и цель, но каковы они,